

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-101-109

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

МАМОШИН Вячеслав Игоревич,аспирант кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства Юридического
института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы,

e-mail: mail@law-books.ru

**ПРАВО НА ЦИФРОВУЮ СМЕРТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА:
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ ПОСМЕРТНОЙ ЦИФРОВОЙ ИМИТАЦИИ
ЛИЧНОСТИ**

Аннотация. В статье рассматривается право на цифровую смерть как один из возможных элементов нового поколения прав человека, формирующийся под влиянием развития цифровых технологий и генеративного искусственного интеллекта. Обосновывается, что современная правовая проблема посмертной охраны личности не может сводиться только к вопросам наследования цифровых активов, доступа к аккаунтам или защиты памяти об умершем. Особое значение приобретает проблема посмертной цифровой имитации личности, то есть создания с помощью искусственного интеллекта интерактивного цифрового образа умершего человека, воспроизводящего его голос, изображение, стиль речи, поведение или предполагаемую волю. Автор приходит к выводу, что такая имитация затрагивает конституционно значимые блага: достоинство личности, право на частную жизнь, право на имя, изображение, цифровую идентичность, а также интересы близких родственников умершего. В статье предлагается рассматривать право на цифровую смерть как право человека при жизни определить пределы использования его цифрового следа после смерти, включая право запретить создание собственной посмертной цифровой копии. Обосновывается презумпция недопустимости посмертной цифровой имитации личности без специального, явно выраженного и осознанного прижизненного согласия гражданина.

Ключевые слова: цифровая смерть, новые поколения прав человека, искусственный интеллект, цифровая имитация личности, цифровая идентичность, достоинство личности, персональные данные, конституционно-правовое регулирование.

MAMOSHIN Vyacheslav,postgraduate of Constitutional law and constitutional judiciary sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba
Peoples' Friendship University of Russia**THE RIGHT TO DIGITAL DEATH AS AN ELEMENT OF A NEW GENERATION OF HUMAN
RIGHTS: CONSTITUTIONAL AND LEGAL LIMITS OF POSTHUMOUS DIGITAL IMITATION OF
THE INDIVIDUAL**

Annotation. The article examines the right to digital death as a possible element of a new generation of human rights emerging under the influence of digital technologies and generative artificial intelligence. It is argued that the modern legal problem of posthumous protection of the individual cannot be reduced only to issues of inheritance of digital assets, access to accounts or protection of the memory of the deceased. Particular importance is attached to the problem of posthumous digital imitation of the individual, that is, the creation by means of artificial intelligence of an interactive digital image of a deceased person reproducing his or her voice, image, speech style, behavior or presumed will. The author concludes that such imitation affects constitutionally significant values: human dignity, the right to privacy, the right to name and image, digital identity, as well as the interests of close relatives of the deceased. The article proposes to consider the right to digital death as the right of a person to determine during his or her lifetime the limits of using his or her digital footprint after death, including the right to prohibit the creation of a posthumous digital copy. The author substantiates the presumption of inadmissibility of posthumous digital imitation of the individual without the person's specific, explicit and informed lifetime consent.

||| **Key words:** *digital death, new generations of human rights, artificial intelligence, digital imitation of the individual, digital identity, human dignity, personal data, constitutional and legal regulation.*

Цифровая трансформация меняет не только способы реализации прав человека при жизни, но и само представление о пределах существования личности после смерти. Если ранее правовая проблема посмертной охраны личности в основном связывалась с защитой чести, достоинства, доброго имени, изображения, авторских прав, тайны частной жизни и наследственного имущества, то развитие генеративного искусственного интеллекта (далее — ИИ) создало качественно новую ситуацию. Цифровой след человека — фотографии, видеозаписи, голосовые сообщения, переписка, публикации в социальных сетях, поисковые запросы, биометрические данные, тексты и иные фрагменты цифрового поведения — может быть использован не только для сохранения памяти об умершем, но и для создания его интерактивной цифровой имитации.

Под посмертной цифровой имитацией личности в настоящей статье предлагается понимать созданный с использованием цифровых технологий и ИИ образ умершего человека, который способен воспроизводить его внешность, голос, речевые особенности, манеру общения, отдельные поведенческие реакции либо формировать иллюзию продолжения его присутствия в цифровой среде. В отличие от обычного хранения фотографий, видеозаписей, писем, архивов или мемориальных страниц такая имитация не только сохраняет информацию о человеке, но и создает эффект его продолжающегося участия в коммуникации.

Актуальность обозначенной проблемы усиливается тем, что в международной повестке регулирования ИИ всё более отчетливо закрепляется правочеловеческий подход. Так, Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права, открытая для подписания 5 сентября 2024 г., исходит из необходимости обеспечения соответствия жизненного цикла систем ИИ правам человека, демократии и верховенству права [11]. Российская Национальная стратегия развития искусственного интеллекта также связывает развитие ИИ с необходимостью формирования условий его безопасного и доверительного применения [10]. Однако специальные вопросы посмертного использования цифрового образа человека пока не получили достаточного нормативного разрешения.

В зарубежной научной и этической дискуссии такие технологии всё чаще

описываются через понятия *deadbots*, *griefbots*, *postmortem avatars*, то есть цифровых моделей умершего человека, создаваемых на основе его данных и предназначенных для взаимодействия с живыми пользователями. Т. Холланек и К. Новацк-Басиньска обращают внимание на то, что в индустрии цифрового посмертия необходимо учитывать интересы не только лица, чьи данные используются для создания цифровой копии, но и лица, которое распоряжается этими данными после смерти, а также пользователя, взаимодействующего с такой копией [14].

Исследователи Кембриджского университета дополнительно указывают на риск психологического вреда и «цифрового преследования» близких, если подобные сервисы развиваются без прозрачности, ограничений и процедур уважительного прекращения использования цифровой копии [6].

Поставленная проблема имеет именно конституционно-правовое измерение. Конституция Российской Федерации исходит из признания человека, его прав и свобод высшей ценностью; достоинство личности охраняется государством и не может быть умалено; каждому гарантируются неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, защита чести и доброго имени. Эти положения формируют исходную рамку для оценки допустимости посмертного цифрового воссоздания личности. Вопрос состоит не только в том, кому принадлежат аккаунты умершего или кто вправе получить доступ к его цифровому архиву, а в том, может ли личность человека после смерти быть искусственно продолжена в цифровой среде без его прижизненной воли [7].

Теория поколений прав человека традиционно используется для объяснения исторического расширения правового статуса личности. Первое поколение связывается с личными и политическими правами, второе — с социально-экономическими и культурными правами, третье — с коллективными и солидарными правами. Однако развитие биомедицинских, информационных и цифровых технологий поставило вопрос о формировании нового, условно четвертого поколения прав человека, содержание которого уже не может быть полностью объяснено классической триадой прав. В российской доктрине справедливо отмечается, что цифровые права не всегда являются совершенно новыми правами, но часто выступают как новые формы проявления и защиты уже известных прав в изменившейся технологической среде [1].

Вместе с тем сама идея новых поколений прав человека не должна пониматься как механическое расширение перечня субъективных прав. Не всякий новый социальный интерес и не всякая технологическая возможность могут быть признаны самостоятельным правом человека. Иначе концепция прав человека утратила бы нормативную строгость и превратилась бы в открытую систему деклараций. Для признания определенного права элементом нового поколения прав человека необходимо наличие нескольких признаков: качественно новой угрозы личности, связи с конституционно значимыми благами, недостаточности традиционных правовых средств и возможности формирования конкретных юридических обязанностей государства, организаций и иных лиц.

С этой точки зрения право на цифровую смерть может рассматриваться как один из возможных элементов нового поколения прав человека. Его появление обусловлено тем, что цифровая среда изменила границы существования личности. В доцифровую эпоху после смерти человека могли сохраняться его имя, память, изображения, письма, произведения, семейные архивы. Однако эти объекты, как правило, имели статичный характер: они позволяли хранить сведения о человеке, но не воспроизводили его как участника текущей коммуникации. Современные технологии ИИ изменили эту ситуацию. На основе цифрового следа умершего возможно создать интерактивную модель, которая говорит его голосом, использует его изображение, имитирует стиль мышления и общения, отвечает на вопросы и формирует впечатление продолжающегося присутствия личности.

Именно эта интерактивность отличает посмертную цифровую имитацию от традиционных форм памяти. Фотография умершего, видеозапись его выступления или опубликованное письмо сохраняют фрагмент прошлого. Цифровая имитация, напротив, создает иллюзию настоящего: она не просто показывает, каким человек был, но моделирует то, что он якобы мог бы сказать, сделать или одобрить. Поэтому такая технология затрагивает не только сферу наследования или гражданско-правового распоряжения отдельными объектами, но и более глубокий конституционно-правовой вопрос — вопрос о границах личности и допустимости ее посмертного цифрового представительства.

Право на цифровую смерть имеет определенную связь с соматическими правами, однако не совпадает с ними. Соматические права выражают автономию человека в отношении собственного тела, здоровья, репродуктивной сферы, медицинского вмешательства, изменения

телесного статуса. Право на цифровую смерть выражает автономию человека в отношении его цифрового продолжения: данных, изображения, голоса, переписки, цифрового профиля, биометрических характеристик и иных элементов, из которых может быть собран посмертный цифровой образ. Если соматические права отвечают на вопрос о пределах распоряжения телом, то право на цифровую смерть отвечает на вопрос о пределах распоряжения цифровой личностью после физической смерти человека.

При этом право на цифровую смерть не следует отождествлять с признанием правоспособности умершего лица в полном смысле слова. После смерти гражданин перестает быть субъектом большинства правоотношений, а его имущественные права и обязанности переходят в порядке наследования. Однако из этого не следует, что личность умершего полностью утрачивает правовую охрану. Российское право уже признает возможность защиты отдельных нематериальных благ после смерти гражданина, в том числе его чести, достоинства, доброго имени и изображения. Следовательно, правопорядок исходит из того, что смерть человека не уничтожает полностью правовое значение его личности, памяти и индивидуальности [8].

Особенность права на цифровую смерть состоит в его двойственной природе. С одной стороны, это прижизненное право самого человека определить судьбу своего цифрового следа после смерти. В этом аспекте оно принадлежит живому субъекту и может реализовываться через специальные распоряжения, согласия, запреты, настройки цифровых сервисов, завещательные или иные юридически значимые волеизъявления. С другой стороны, после смерти человека речь идет уже не о реализации им субъективного права лично, а о правовой охране его достоинства, памяти, имени, изображения и цифровой идентичности через механизм обязанностей третьих лиц и правомочий заинтересованных лиц требовать прекращения нарушения.

Для конституционно-правового анализа права на цифровую смерть принципиальное значение имеет разграничение нескольких близких, но не совпадающих понятий: цифровой след, цифровое наследие, цифровые активы, цифровая память и цифровая имитация личности. Без такого разграничения возникает риск смешения различных правовых режимов: наследственного, информационного, гражданско-правового, конституционного и этико-правового.

Наиболее широким понятием является цифровой след человека. Под ним следует понимать совокупность данных, сведений, изображений, текстов, аудиовизуальных

материалов, технических идентификаторов и иных цифровых фрагментов, которые возникают в результате жизнедеятельности человека в цифровой среде. Такой след может включать аккаунты в социальных сетях, электронную переписку, фотографии, видеозаписи, голосовые сообщения, историю поисковых запросов, данные геолокации, платежную информацию, биометрические данные, публикации, комментарии, цифровые документы и иные сведения, позволяющие прямо или косвенно характеризовать личность.

Цифровой след неоднороден по своей правовой природе. Одни его элементы могут иметь имущественную ценность и быть включены в гражданский оборот. Другие связаны преимущественно с личностью гражданина и охраняются как нематериальные блага. Третьи находятся в распоряжении цифровых платформ и фактически зависят от условий пользовательских соглашений. Поэтому сам по себе цифровой след не может быть автоматически приравнен ни к имуществу, ни к персональным данным, ни к объектам интеллектуальных прав, хотя в отдельных случаях может включать элементы каждого из указанных правовых режимов.

Более узким понятием является цифровое наследие. Оно охватывает те элементы цифрового следа, которые сохраняются после смерти человека и могут иметь значение для его наследников, родственников, общества либо иных заинтересованных лиц. К цифровому наследию могут относиться аккаунты, электронные архивы, фотографии, тексты, произведения, цифровые документы, доменные имена, криптоактивы, электронные кошельки и иные объекты, если они могут быть сохранены, переданы, использованы или администрированы после смерти гражданина. Однако цифровое наследие не следует отождествлять с наследственным имуществом в строгом смысле. Не всякий цифровой объект наследуется, не всякий доступ к аккаунту может быть передан наследникам, и не всякая информация умершего может свободно использоваться после его смерти.

Цифровые активы представляют собой только ту часть цифрового наследия, которая имеет имущественную или экономическую ценность. К ним могут относиться цифровые права, денежные средства на электронных счетах, криптовалютные активы, доменные имена, коммерчески значимые аккаунты, результаты интеллектуальной деятельности в цифровой форме и иные объекты, способные участвовать в гражданском обороте. Вопрос о цифровых активах преимущественно относится к сфере гражданского и наследственного права. Он важен, но не исчерпывает проблему

права на цифровую смерть. Именно поэтому существующие исследования, посвященные наследованию цифровой информации, являются необходимой, но не достаточной основой для анализа посмертной цифровой имитации [2].

Отдельно необходимо выделять цифровую память. Под ней можно понимать сохранение и использование цифровых материалов об умершем человеке в целях памяти, семейного общения, исторического архива, культурного наследия, научного исследования или общественного признания. Цифровая память, как правило, имеет ретроспективный характер. Она обращена к прошлому: сохраняет то, что человек действительно написал, сказал, создал, совершил или оставил после себя. В этом смысле цифровая память близка к традиционным формам посмертного сохранения личности: фотографиям, письмам, дневникам, архивам, мемуарам, музейным экспозициям.

Иной характер имеет цифровая имитация личности. В отличие от цифровой памяти она не только сохраняет сведения о человеке, но и создает новые акты цифровой коммуникации от его имени или в его образе. Цифровая имитация предполагает моделирование личности умершего: его голоса, изображения, речевой манеры, эмоциональных реакций, стиля письма, поведения, взглядов или предполагаемой воли. В результате возникает цифровой объект, который не просто напоминает о человеке, а создает у пользователя ощущение взаимодействия с ним. В российской литературе уже ставился вопрос о технологиях цифрового реинкарнирования личности и праве на цифровую смерть, однако преимущественно в связи с аккаунтами, интеллектуальными правами и наследованием [3]. Отдельные авторы также предлагают рассматривать право на цифровое воссоздание личности умершего как разновидность прав человека четвертого поколения [5].

Именно цифровая имитация личности образует самостоятельную конституционно-правовую проблему. Если фотография или письмо фиксируют прошлое, то посмертный цифровой двойник производит новое содержание. Он отвечает на вопросы, участвует в диалоге, может давать советы, выражать оценки, появляться в видео, аудио, рекламе, образовательном, развлекательном или политическом контенте. При этом сам умерший человек уже не способен подтвердить, что подобные высказывания соответствуют его действительным взглядам, памяти, убеждениям и воле.

Следовательно, посмертная цифровая имитация личности не может регулироваться только по правилам о наследовании цифровых

активов или доступе к аккаунтам. Наследник может получить определенные имущественные права, но из этого не следует, что он приобретает право заново конструировать личность умершего. Родственники могут хранить фотографии, письма и семейный архив, но это не означает, что они вправе создать интерактивную модель, которая будет говорить от имени умершего. Платформа может технически располагать данными пользователя, но это не означает, что она вправе использовать их для создания посмертного аватара.

В этом контексте необходимо различать использование данных об умершем и цифровое представительство умершего. Использование данных может выражаться в хранении, публикации, передаче, архивировании или удалении сведений. Цифровое представительство возникает тогда, когда созданная модель начинает выступать как будто от имени человека, формируя новые сообщения, реакции или образы. Именно цифровое представительство требует наиболее строгого правового режима, поскольку затрагивает не только данные, но и саму идентичность личности.

Критериями посмертной цифровой имитации могут выступать следующие признаки: использование персонализированного цифрового материала умершего; внешнее или речевое сходство с ним; способность генерировать новые сообщения или реакции; создание впечатления общения с умершим; использование имени, изображения, голоса или иных идентифицирующих признаков; отсутствие возможности самого человека подтвердить или опровергнуть содержание такого цифрового поведения. Чем больше указанных признаков присутствует, тем выше риск нарушения достоинства, памяти и цифровой идентичности личности.

Особое значение имеет вопрос о голосе и изображении умершего. В традиционном правовом регулировании изображение рассматривается как самостоятельный объект охраны, а голос чаще всего защищается через совокупность норм о персональных данных, частной жизни, исполнении, смежных правах, защите от недобросовестного использования и иных правовых механизмов. Однако технологии синтеза речи и видеоизображения создают новую ситуацию: голос и лицо становятся не просто объектами воспроизведения, а средствами создания иллюзии продолжающегося присутствия человека. Поэтому использование голоса и изображения умершего в составе интерактивной ИИ-модели должно оцениваться строже, чем обычная публикация архивной записи.

Не менее важна проблема переписки,

текстов и иных материалов, отражающих стиль мышления и общения человека. В цифровой среде именно эти данные позволяют обучить модель, имитирующую речевые особенности умершего. При этом тексты, созданные человеком при жизни, могли предназначаться для конкретного адресата, личного общения или ограниченного круга лиц. Их использование для посмертного моделирования личности может нарушать не только память умершего, но и частную жизнь других лиц, участвовавших в этой коммуникации.

Российское законодательство содержит отдельные элементы, которые могут использоваться для защиты личности от неправомерного посмертного цифрового использования. Прежде всего это нормы о нематериальных благах, защите чести, достоинства, деловой репутации и охране изображения гражданина. В частности, после смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии — с согласия родителей, кроме случаев, прямо предусмотренных законом. Однако эти нормы были сформированы в иной технологической реальности и направлены прежде всего на обнаружение и использование изображения, а не на создание интерактивной цифровой модели умершего [8].

Ограниченным является и потенциал законодательства о персональных данных. Федеральный закон «О персональных данных» закрепляет принципы законности, справедливости, ограничения обработки заранее определенными и законными целями, а также недопустимости обработки, несовместимой с целями сбора персональных данных. Эти положения важны для предотвращения произвольного использования цифрового следа человека. Однако действующее регулирование не дает прямого ответа на вопрос о судьбе персональных данных после смерти субъекта и тем более о допустимости создания на их основе посмертной цифровой имитации личности [9].

В результате действующее российское право защищает отдельные фрагменты личности — имя, изображение, честь, достоинство, авторские права, частную жизнь, персональные данные, — но не охватывает посмертную цифровую имитацию как комплексное явление. Такая имитация соединяет в себе элементы изображения, голоса, текста, биометрии, персональных данных, интеллектуального результата и алгоритмически сгенерированного поведения. Поэтому попытка регулировать ее только через одну отраслевую конструкцию неизбежно будет неполной.

Сравнительно-правовые ориентиры показывают, что вопрос о судьбе данных после смерти уже начинает получать специальное регулирование. Во Франции ст. 85 Закона о защите персональных данных позволяет лицу определить распоряжения относительно хранения, удаления и передачи его персональных данных после смерти. Национальная комиссия по информатике и свободам (CNIL) указывает, что такие распоряжения могут быть общими или специальными, а при их отсутствии наследники вправе, в частности, закрыть аккаунты умершего, возражать против продолжения обработки его данных или требовать их обновления. Этот подход важен не как готовая модель для прямого заимствования, а как пример признания того, что смерть человека не должна оставлять цифровую сферу вне правового управления [13].

Определенные ориентиры содержатся и в европейском регулировании ИИ. Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте предусматривает специальные обязанности прозрачности для систем, взаимодействующих с физическими лицами, а также для синтетического аудио-, видео-, текстового и иного контента, включая маркировку искусственно созданного или измененного содержания. Эти положения напрямую не решают проблему посмертной цифровой имитации, однако они подтверждают общий нормативный принцип: лицо должно понимать, что взаимодействует не с человеком, а с ИИ, а синтетическая природа цифрового образа не должна скрываться [12].

Наконец, практики крупных цифровых платформ также показывают, что посмертная судьба аккаунтов уже стала самостоятельным элементом цифрового управления. Например, Apple предоставляет пользователю возможность заранее назначить цифрового наследника, который получит доступ к определенным данным аккаунта после смерти пользователя. Подобные механизмы полезны для управления цифровым наследием, однако они не должны смешиваться с вопросом о создании цифровой копии умершего. Назначение цифрового наследника или хранителя аккаунта не может автоматически означать согласие на посмертную цифровую имитацию личности [15].

В научной литературе уже предлагается закреплять понятие цифрового двойника и определять пределы действий цифрового двойника, основанного на ИИ [4]. Однако применительно к умершему человеку вопрос должен ставиться еще строже. Цифровой двойник живого лица может корректироваться самим человеком, использоваться им в пределах собственной автономии и контролироваться

через текущую волю субъекта. Цифровой двойник умершего лишен такой связи с актуальной волей человека, поэтому любое его использование создает риск подмены личности интересами родственников, платформы, коммерческого сервиса или иных лиц.

Представляется, что конституционно-правовая модель защиты должна строиться на презумпции недопустимости посмертной цифровой имитации личности без специального, явно выраженного и осознанного прижизненного согласия гражданина. Такое согласие должно быть самостоятельным и не может подменяться общим согласием на обработку персональных данных, передачей доступа к аккаунту, согласием на публикацию изображения или распоряжением отдельными цифровыми активами. Человек должен прямо понимать, что речь идет не о хранении его данных, а о возможности создания цифровой модели, которая после смерти будет воспроизводить его образ, голос, стиль общения или предполагаемую волю.

Указанная презумпция не должна означать абсолютный запрет цифровой памяти. Запретительный режим должен распространяться прежде всего на те случаи, когда цифровой образ умершего используется как самостоятельный коммуникативный субъект: отвечает на вопросы, дает советы, участвует в переписке, появляется в рекламе, политической агитации, коммерческом контенте или иных формах публичной коммуникации, создающих у пользователя впечатление взаимодействия с личностью умершего. В таких случаях правовая проблема выходит за пределы обычного распоряжения данными и затрагивает достоинство личности, уважение к памяти умершего, автономию его прижизненной воли и интересы его близких.

Содержание специального прижизненного согласия также должно быть конкретизировано. Оно должно включать указание на вид создаваемой цифровой имитации, состав используемых данных, круг лиц, которые вправе взаимодействовать с моделью, цели использования, срок существования цифровой копии, возможность коммерческого применения, порядок удаления или прекращения функционирования модели. Недопустимо считать достаточным согласие, скрытое в пользовательском соглашении цифровой платформы или сформулированное общими словами о «улучшении сервиса», «персонализации» или «использовании данных в целях обучения ИИ».

Прижизненное согласие также должно иметь пределы. Даже если гражданин выразил согласие на создание цифровой имитации, такая модель не должна использоваться для целей,

явно противоречащих достоинству личности, закону, нравственным основаниям правопорядка или правам других лиц. Например, недопустимым должно признаваться использование цифрового образа умершего для мошенничества, манипулирования родственниками, политической агитации без специально выраженного согласия, рекламы товаров и услуг без прямого распоряжения, а также создания контента, грубо искажающего память о человеке.

Вторым элементом предлагаемой модели должна стать обязательная маркировка посмертной цифровой имитации. Пользователь, взаимодействующий с такой моделью, должен постоянно и ясно понимать, что он общается не с человеком и не с юридически значимым представителем умершего, а с искусственно созданной системой. Такая маркировка имеет значение не только для защиты потребителя цифровой услуги, но и для защиты памяти об умершем: цифровая копия не должна создавать впечатление, что она выражает действительную волю человека после его смерти.

Третьим элементом должно стать право заинтересованных лиц требовать прекращения использования цифровой имитации, если она создана без прижизненного согласия, искажает личность умершего, используется в унижительном или манипулятивном контексте, нарушает семейную тайну либо причиняет существенный моральный вред близким. При этом правом на обращение должны обладать не только наследники в узком гражданско-правовом смысле, но и лица, чьи права и законные интересы затрагиваются созданием или использованием такой имитации.

Четвертым элементом является запрет коммерческой, рекламной и политической эксплуатации посмертной цифровой имитации без прямого прижизненного распоряжения гражданина. Такой запрет необходим потому, что посмертная цифровая копия обладает особой эмоциональной и репутационной силой. Использование образа умершего в рекламе, политическом сообщении или коммерческом сервисе способно не только нарушить память о человеке, но и манипулировать чувствами его близких, поклонников, учеников, пациентов, клиентов или неопределенного круга лиц.

Пятым элементом должна стать процедура цифрового прекращения. Если цифровая имитация была создана правомерно, должен существовать понятный порядок ее приостановления, удаления или архивирования. Такая процедура особенно важна в тех случаях, когда взаимодействие с цифровой копией начинает причинять вред живым пользователям либо когда цели, ради которых она была создана, уже исчерпаны. В этом смысле

цифровая смерть должна включать не только запрет на незаконное воссоздание личности, но и возможность достойного прекращения уже созданного цифрового присутствия.

Предлагаемая модель не требует немедленного внесения отдельной нормы в Конституцию Российской Федерации. Конституционно-правовое значение права на цифровую смерть состоит прежде всего в том, что оно позволяет выявить новые обязанности законодателя и правоприменителя по защите достоинства, частной жизни и цифровой идентичности человека в условиях развития ИИ. На уровне специального законодательства такие гарантии могут быть закреплены путем внесения изменений в законодательство о персональных данных, нормы о нематериальных благах и изображении гражданина, а также в будущие специальные акты о регулировании ИИ и синтетического цифрового контента.

Таким образом, право на цифровую смерть следует рассматривать как перспективный элемент нового поколения прав человека. Оно не сводится к цифровому наследованию, доступу к аккаунтам или праву на удаление данных. Его центральное назначение состоит в защите личности от посмертного цифрового воссоздания без ее воли. Развитие генеративного ИИ делает возможным не только сохранение памяти об умершем, но и создание интерактивного цифрового субъекта, внешне и коммуникативно связанного с ним. Именно поэтому право должно провести четкую границу между цифровой памятью и цифровой имитацией.

Наиболее обоснованным решением является презумпция недопустимости посмертной цифровой имитации личности без специального, явно выраженного и осознанного прижизненного согласия гражданина. Такое согласие должно быть самостоятельным, конкретным и отзывным при жизни; оно не может вытекать из общего согласия на обработку персональных данных, передачи доступа к аккаунту или согласия на публикацию изображения. После смерти человека правопорядок должен обеспечивать уважение к его прижизненной воле, а при ее отсутствии — защищать достоинство, память и цифровую идентичность личности от произвольного технологического конструирования.

Список литературы:

[1] Варламова Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права Российской академии наук. - 2019. - Т. 14. - № 4. - С. 9-46.

[2] Канакова А. Е. Цифровая смерть: наследование цифровой информации //

Правоприменение. - 2024. - Т. 8. - № 2. - С. 130-138. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).130-138.

[3] Романова А. Л. Технологии цифрового реинкарнирования личности в соотношении с правом на «цифровую смерть» // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - 2022. - № 4 (92). - С. 211-217. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.211-217.

[4] Архипьев Н. В. Проблемы правового статуса цифрового двойника (суррогата) физического лица // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. - 2024. - Т. 166. - Кн. 6. - С. 97-108. DOI: 10.26907/2541-7738.2024.6.97-108.

[5] Крыльцова Д. А. Право на цифровое воссоздание личности умершего как вид прав человека четвертого поколения // Актуальные проблемы современного права и государства: материалы научной конференции. - Минск, 2023. - С. 451-454.

[6] Hollanek T., Nowaczyk-Basińska K. Griefbots, Deadbots, Postmortem Avatars: On Responsible Applications of Generative AI in the Digital Afterlife Industry // Philosophy & Technology. - 2024. - Vol. 37. - Article 63. DOI: 10.1007/s13347-024-00744-w.

[7] Конституция Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/constitution/item> (дата обращения: 02.05.2026).

[8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 02.05.2026).

[9] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 02.05.2026).

[10] Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 02.05.2026).

[11] The Framework Convention on Artificial Intelligence // Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence> (дата обращения: 02.05.2026).

[12] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (дата обращения: 02.05.2026).

[13] Post-mortem data: is there a digital life after death? // CNIL. 03.02.2025. URL: https://linc.cnil.fr/en/Post-mortem_data_is_there_a_digital_life_after_death (дата обращения: 02.05.2026).

[14] Call for safeguards to prevent unwanted «hauntings» by AI chatbots of dead loved ones // University of Cambridge. 09.05.2024. URL: <https://www.cam.ac.uk/research/news/call-for-safeguards-to-prevent-unwanted-hauntings-by-ai-chatbots-of-dead-loved-ones> (дата обращения: 02.05.2026).

[15] Добавление цифрового наследника для Аккаунта Apple // Apple Support. URL: <https://support.apple.com/ru-ru/102631> (дата обращения: 02.05.2026).

References:

[1] Varlamova N.V. Digital rights - a new generation of human rights ?//Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. - 2019. - Т. 14. - № 4. - S. 9-46.

[2] Kanakova A.E. Digital death: inheritance of digital information//Enforcement. - 2024. - VOL. 8. - № 2. - S. 130-138. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).130-138.

[3] Romanova A. L. Technologies of digital reincarnation of personality in relation to the right to “digital death” //Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA). - 2022. - № 4 (92). - S. 211-217. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.211-217.

[4] Bishop N.V. Problems of the legal status of a digital twin (surrogate) of an individual//Scientific notes of Kazan University. Humanities series. - 2024. - Т. 166. - Prince. 6. - S. 97-108. DOI: 10.26907/2541-7738.2024.6.97-108.

[5] Kryltsova D.A. The right to digital reconstruction of the personality of the deceased as a type of fourth-generation human rights//Actual problems of modern law and the state: materials of a scientific conference. - Minsk, 2023. - S. 451-454.

[6] Hollanek T., Nowaczyk-Basińska K. Griefbots, Deadbots, Postmortem Avatars: On Responsible Applications of Generative AI in the Digital Afterlife Industry // Philosophy & Technology. - 2024. - Vol. 37. - Article 63. DOI: 10.1007/s13347-024-00744-w.

[7] Constitution of the Russian Federation// Official website of the President of Russia. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/constitution/item> (access date: 02.05.2026).

[8] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ//SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (access date: 02.05.2026).

[9] Federal Law No. 27.07.2006 of 152-FZ “On Personal Data” //SPS” ConsultantPlus. “ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_

LAW_61801/ (access date: 02.05.2026).

[10] Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation" // Official website of the President of Russia. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (access date: 02.05.2026).

[11] The Framework Convention on Artificial Intelligence // Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence> (дата обращения: 02.05.2026).

[12] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (access date: 02.05.2026).

europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (access date: 02.05.2026).

[13] Post-mortem data: is there a digital life after death? // CNIL. 03.02.2025. URL: https://linc.cnil.fr/en/Post-mortem_data_is_there_a_digital_life_after_death (дата обращения: 02.05.2026).

[14] Call for safeguards to prevent unwanted «hauntings» by AI chatbots of dead loved ones // University of Cambridge. 09.05.2024. URL: <https://www.cam.ac.uk/research/news/call-for-safeguards-to-prevent-unwanted-hauntings-by-ai-chatbots-of-dead-loved-ones> (дата обращения: 02.05.2026).

[15] Add a digital successor to Apple Account// Apple Support. URL: <https://support.apple.com/ru-ru/102631> (access date: 02.05.2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru